

В. М. АЛПАТОВ

МАРТИРОЛОГ ВОСТОКОВЕДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Массовые репрессии нанесли огромный урон советской науке, и мы сегодня едва ли в полной мере представляем себе его размеры. Историкам предстоит очертить причудливые границы Гулага буквально в каждой области знания. Что касается лингвистики, то здесь, пожалуй, больше других пострадали востоковеды и исследователи языков народов СССР. Во время кампаний по борьбе с «национал-уклонизмом» погибли почти все подготовленные к тому времени национальные кадры филологов, которые изучали (чаще всего в практическом плане) свои языки, создавали для них литературные нормы и письменность. Даже имена многих утрачены. Печальная судьба постигла едва ли не большинство специалистов по языкам Дальнего Востока: накаленная международная обстановка 30-х годов в этом регионе породила шпионманию, жертвами которой пали ни в чем не повинные ученые. Потери среди русских исследователей языков Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии, а также народов СССР были относительно меньшими, хотя столь же невосполнимы — достаточно назвать имена Е. Д. Поливанова и А. Н. Самойловича.

Систематическое истребление востоковедов в Москве и Ленинграде началось в 1937 г. Однако еще в январе 1930 г. был арестован видный ученый Александр Михайлович Мерварт (1886—1932). Первым из отечественных индологов он посетил в 1914—1918 гг. труднодоступные районы Индии и Цейлона, собрал несколько богатых коллекций. Впервые в нашей стране А. М. Мерварт организовал в Ленинграде в 1924 г. преподавание тамильского языка и сформулировал его грамматику [2]. Данный труд свидетельствовал о высокой научной квалификации и стремлении использовать передовые лингвистические идеи. Однако ученый успел написать только одну книгу: вместе с Е. В. Тарле, С. Ф. Платоновым и другими крупными учеными его привлекли к уголовной ответственности по так называемому «академическому делу». Немецкое происхождение исследователя и долгое пребывание за границей дало «компетентным органам» повод приписать ни в чем не повинному человеку роль связного между якобы существовавшим академическим подпольным центром и за-

ладными разведками. Арестовали и жену, Людмилу Александровну Мерварт (1888—1965), сопровождавшую ученого в экспедиции. После нескольких лет заключения и ссылки ей удалось вернуться к работе — в 40—50-е гг. она впервые в СССР организовала преподавание индонезийского языка. Сам же А. М. Мерварт умер в 1932 г. в лагере. Дравидийское языкознание после его гибели надолго прекратило в нашей стране свое существование.

В начале 30-х годов свободы лишили и Николая Николаевича Попова-Тативу (1883—?). Бывший офицер царской армии, при Советской власти он преподавал китайский язык в Московском институте востоковедения и Академии им. Фрунзе, а также написал совместно с Е. Д. Поливановым известное пособие по китайской транскрипции [3]. По воспоминаниям Н. П. Анциферова, в 1932—1933 гг. Попова-Тативу видели в лагере на строительстве Беломорско-Балтийского канала [4].

Дальнейшая его судьба неизвестна.

Среди исследователей языков народов Севера одним из первых пострадал Н. К. Каргер, ведущий специалист по кетскому языку, создатель единственного кетского букваря [5]. По данным И. С. Вдовина, он был арестован еще в 1934 или 1935 г. и после отбытия срока жил в Саратове, уже не занимаясь североведением; существует также версия, что он погиб в заключении.

В 1937 г., как известно, активность репрессивного аппарата резко возросла.

В январе карающая длань госбезопасности настигла в Кисловодске выдающегося тюрколога Бекира Вагаповича Чобан-Заде (1893—1937). До революции он, сын бедняка, крымский татарин по национальности, получил хорошее востоковедное образование в Будапештском университете. В 1922—1924 гг. Чобан-Заде был профессором Крымского университета, а в 1924 г. переехал в Баку, где возглавил в университете Восточный факультет, а также кафедру азербайджанского языка и литературы. Под руководством декана разрабатывались новые алфавиты на латинской основе для тюркских языков СССР, формировалась и унифицировалась азербайджанская терминология. Ученый стал одним из первых составителей «Словаря тюркских народных говоров Азербайджана». Среди его работ выделяются «Введение в тюрко-татарское языкознание» с оригинальной классификацией тюркских языков, а также грамматика крымско-татарского языка [6]. Б. В. Чобан-Заде был высококвалифицированным лингвистом, который поддерживал контакты с передовыми учеными, и в частности с Е. Д. Поливановым. Поэтому он не смог принять антинаучное «новое учение о языке» Н. Я. Марра и продолжал отстаивать принципы сравнительно-исторического языкознания, что само по себе в те годы автоматически влекло обвинения в «буржуазности». Уже с начала 30-х годов этого мужественного человека начали травить: отпра-

Б. В. Чобан-Заде
(1893-1937)

Е. Д. Поливанов
(1891-1938)

нили от работ по языковому строительству и почти перестали печатать — его «Подробная грамматика крымско-татарского языка» не сохранилась даже в рукописи. Вскоре после ареста, в октябре 1937 г., он был расстрелян.

Весной этого страшного года ленинградские тюрьмы пополнились заключенными — именно тогда, в марте, взяли выдающегося тибетолога Андрея Ивановича Вострикова (1904—1937). Лингвистические работы этого автора не сохранились. В 30-е годы он преподавал в ЛИФЛИ тибетский язык и санскрит, а позднее принял за составление тибетской грамматики, так до нас и не дошедшей. 24 ноября того же года его расстреляли.

1 августа 1937 г. настал черед великого советского лингвиста Евгения Дмитриевича Поливанова¹. Огромен вклад этого ученого в общее языкознание, в социолингвистику, в изучение японского, китайского, корейско-

го, дунганского и других языков, в тюркологию, в языковое строительство в СССР. Он был выдающимся организатором науки и в первые годы после Октября занимал высокие посты в правительстве. По выражению В. Б. Шкловского, «Поливанов был обычным гениальным человеком» [8].

Как и в случае с Б. В. Чобан-Заде, все беды ученого начались задолго до ареста. Исходной точкой был февраль 1929 г., когда Е. Д. Поливанов бросил вызов всеильному Н. Я. Марру, публично выступив в Комкадемии с четким критическим анализом бредового «нового учения о языке». Однако силы были неравны. И вскоре началась травля — в адрес принципиального лингвиста посыпались обвинения одно хуже другого, вплоть до принадлежности к контрреволюционному «Союзу русского народа». Лишившись всех должностей в Москве, он был вынужден уехать в Среднюю Азию. Выход в свет в 1931 г. его книги [9], в которой ученый самоотверженно защищал классическое языкознание от невежественных нападок марризма, вызвал новый тур борьбы с «поливановщиной», когда против него заставили выступить даже людей, близких ему по духу. Отныне Поливанова перестали печатать в Москве и Ленинграде, а публикации в малотиражных местных изданиях почти не доходили до всесоюзного читателя. Постепенно марризм проник в Среднюю Азию, и там лишив Евгения Дмитриевича покоя, несмотря на расположение к нему узбекских руководителей К. Икрамова и Ф. Ходжаева. Спасаясь от ревнителей марризма, он несколько раз менял работу, переезжая из Самарканда в Ташкент, а оттуда — во Фрунзе.

Здесь Поливанов жил с 1934 г., поначалу довольно спокойно. Правда, он не имел права выезжать из города никуда, кроме Ташкента и не-

¹ В публикациях о Е. Д. Поливанове встречаются разные даты его ареста; данная дата подтверждается материалами следствия [7].

скольких заранее утвержденных экспедиционных маршрутов, от которых запрещалось отклоняться [7]. Меньше чем за три года опальный исследователь подготовил ряд крупных работ по дунганскому языку (они сохранились, но большей частью не опубликованы), перевел значительную часть киргизского эпоса «Манас», завершил уникальный «Словарь лингвистических терминов», лишь сейчас подготовленный к печати. И все же в обстановке тех лет ученый был обречен. К тому же в это время уже арестовали Ходжаева, а Икрамов вот-вот должен был последовать за ним — доброе отношение прежних лидеров оборачивалось для филолога бедой. Ему припомнили даже связи с Троцким — в 1917—1918 гг. Поливанов исполнял обязанности заместителя Наркома иностранных дел.

О последних месяцах жизни Поливанова мы знали по ряду версий и легенд. Теперь благодаря активной деятельности Ф. Д. Ашнина, найдены подлинные документы — следственное дело и приговор. Из них ясно, что задержанного во Фрунзе Поливанова вскоре перевезли в Москву, на Лубянку. Сохранились два, вероятно, единственных протокола допросов. Первый раз, 22 августа 1937 г., арестованный отвечал на вопросы анкетного характера: описал жизненный путь, особо отметил участие в революционной деятельности, перечислил восемнадцать языков, которыми владеет. 15 октября характер допроса стал иным. Протокол представляет собой длинный текст, явно сочиненный следователями, где рассказывается о многолетней шпионской деятельности Поливанова, якобы завербованного японской разведкой во время его поездки в Страну восходящего солнца в 1916 г. Каждая страница подписана самим ученым, но вялой рукой, по-видимому, после пыток. 25 января 1938 г. состоялся суд «тройки», на котором Поливанов отказался от показаний, полученных у него под давлением. Но на суд это не произвело никакого воздействия — все решалось заранее. Его приговорили к расстрелу, причем записали, что приговор приведен в исполнение в день суда (по некоторым документам, казнь совершили 28 января).

Вместе с Поливановым арестовали его ученика и друга — киргизского просветителя Касыма Тыныстанова (1901—1938). Именно он пригласил своего учителя во Фрунзе и пострадал из-за этого (хотя их дела шли раздельно). Профессор К. Т. Тыныстанов являлся создателем первого киргизского алфавита на латинской основе, автором первого школьного учебника киргизского языка, а также ряда научных работ: кроме того в течение нескольких лет он возглавлял Народный комиссариат просвещения Киргизии. Однако уже с 1933 г. ученому приклеили ярлык «национал-уклониста». Вскоре после ареста его расстреляли. Наследие К. Т. Тыныстанова не изучено до сих пор. Расстрелян и создатель самого первого киргизского алфавита на арабской основе И. Арабаев (1882—1938).

К. Т. Тыныстанов
(1901-1938)

Примерно в то же время были уничтожены и другие представители едва начавшей формироваться национальной интеллигенции в республиках. Худайбергена Куановича Жубанова (1899—1938) можно считать первым казахским лингвистом. Окончив в 1928 г. Ленинградский институт живых восточных языков, а затем аспирантуру Института языка и мышления АН СССР, он в 1932 г. стал первым профессором казахской филологии и заведующим кафедрой казахского языка и литературы Казахского пединститута, а в 1933 г. возглавил Гостермиком Казахстана. Ему принадлежит около 30 научных публикаций, в том числе книга «Исследования по казахскому языку» [10]. Он был составителем первых казахских учебников и программ преподавания языка. По-видимому погиб еще один казахский профессор — Кажим Амангалиевич Басымов (1896—1939).

В 1937 г. не стало Назира Тюрякуловича Тюрякулова (1893—1937), узбекского революционера и ученого. Член партии с 1918 г., он с первых лет Советской власти занимал высокие посты в Средней Азии — председателя ЦК КП Туркестана и председателя ЦИК Туркестана, позднее перешел на дипломатическую работу. Одновременно он активно участвовал в языковом строительстве. Совместно с А. Байтурсуновым (впоследствии также репрессированным) он создал первый казахский алфавит, высоко оцененный Н. Ф. Яковлевым в его классической работе «Математическая формула построения алфавита» [11]. В 20-е годы он возглавил Центроиздат народов Востока в Москве. С 1936 г. Н. Т. Тюрякулов целиком переключился на научно-преподавательскую деятельность в Институте языка и письменности народов Востока, но это не спасло — вскоре его схватили и 3 октября 1937 г. расстреляли.

С августа начались массовые репрессии в академическом Институте востоковедения, находившемся в то время в Ленинграде. 15 августа был издан приказ об увольнении из института трех ведущих сотрудников, задержанных «компетентными органами». Это были Цыбен Жамцаранович Жамцарано (1880—1937), Михаил Израилевич Тубянский (1893—1937) и Юлиан Константинович Шуцкий (1897—1938). По данным Ленинградского УКГБ, представленным в общество «Мемориал», Тубянский был расстрелян 24 ноября 1937 г., Шуцкий — 18 февраля 1938 г., о Жамцарано пока данных нет. Ц. Ж. Жамцарано, бурят по происхождению, с 1902 г. преподавал в Петербургском университете и Практической восточной академии, а затем много лет вел просветительскую деятельность во Внутренней Монголии и МНР, он известен полевыми исследованиями монгольских языков. Начавшиеся в 30-е годы в МНР преследования интеллигенции вынудили ученого вернуться в Ленинград, что отсрочило его гибель, но ненадолго. М. И. Тубянский был крупным индологом, в 20-е годы преподавал в ленинградских вузах санскрит, хинди и — впервые в нашей стране — бенгали. Затем до 1936 г. работал в МНР, помогая становлению национальной науки. По возвращении начал обрабатывать собранные в Монголии уникальные материалы, но не успел завершить работу. Ю. К. Шуцкий, филолог-китаист, любимый ученик академика В. М. Алексеева, перед самым арестом блестяще защитил докторскую диссертацию. Ему принадлежит краткая грамматика китайского языка, написанная совместно с Б. А. Васильевым [12], учебники китайского языка и первое в нашей стране описание вьетнамского (или, по терминологии

гии тех лет, аннамского) языка [13].

В первых числах сентября того кровавого года из науки вырвали еще двух сотрудников Института востоковедения, занимавшихся наряду с другими дисциплинами и лингвистикой. Монголист Владимир Александрович Казакевич (1896—1937) преподавал монгольский язык в ленинградских вузах и издал книгу по монгольской топонимике [14]. Друг и постоянный соавтор Ю. К. Шуцкого Борис Александрович Васильев (1899—1937) работал с китайским и дуганским языками, расстреляли его 24 ноября 1937 г.

Приказы об увольнении этих людей подписал директор института Александр Николаевич Самойлович (1880—1938). Однако в октябре настал и его черед. Талантливый и авторитетный ученый, глава отечественной школы тюркологов, ученик П. М. Мелиоранского, В. В. Радлова, В. В. Бартольда и В. Д. Смирнова, он еще в дореволюционные годы выдвинулся как крупный исследователь, в деятельности которого языкознание всегда занимало большое место. А. Н. Самойлович известен как автор содержательных грамматик крымско-татарского и турецкого языков, а также работ по тюркским языкам в целом, где, в частности, предложил первую, основанную на собственно лингвистических критериях их классификацию, оказавшую большое влияние на советскую тюркологию [15]. К сожалению, ряд его работ безвозвратно утерян. В 1925 г. А. Н. Самойлович был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1929 г. — академиком. Он снискал славу как выдающийся организатор науки и востоковедного образования: с 1922 по 1925 г. являлся ректором Петроградского института живых восточных языков, с 1929 по 1933 — занимал должность академика-секретаря Отделения гуманитарных наук АН СССР, с 1932 г. стал и председателем Казахстанской базы АН СССР, из которой впоследствии выросла Казахская Академия наук; после смерти академика С. Ф. Ольденбурга в 1934 г. возглавил Институт востоковедения АН СССР. В отличие от Е. Д. Поливанова А. Н. Самойлович примирительно относился к марризму, более того — под давлением Н. Я. Марра он отказался от публикации окончательного варианта своей тюркской классификации [16]. Но это не спасло. Рассказывают, будто его арестовали за дворянское происхождение. 13 февраля 1938 г. А. Н. Самойлович был расстрелян.

С осени 1937 г. начался разгром японистики. Сохранился отписк коллективного письма 1936 г. ленинградских и московских японистов, на котором интересны пометки Н. И. Конрада. Они свидетельствуют, что из 38 подписавшихся и упоминавшихся в письме не менее девятнадцати оказались в заключении, а судьба нескольких человек вообще осталась неизвестной. В большинстве эти люди являлись либо специалистами по японскому языку, либо его преподавателями.

3 (или 4) октября оборвалась научная деятельность выдающегося исследователя Николая Александровича Невского (1892—1937). Этот уди-

А. Н. Самойлович
(1880-1938)

вительно разносторонний человек оставил след во многих областях науки. Японист по образованию, он первым в отечественной истории взялся за исследование диалектов о-вов Рюкю; посмертно изданы его записи рюкюских текстов [17]. Первым в нашей стране Н. А. Невский начал изучать и бесписьменные австронезийские языки о-вов Тайвань, опубликовав книгу, ставшую единственной его крупной прижизненной лингвистической публикацией [18]. Принадлежат ему и записи айнских текстов, также опубликованные посмертно [19]. Но наибольшую известность получили работы 30-х годов по дешифровке тангутских текстов, посмертное издание которых [20] отмечено в 1962 г. Ленинской премией. Помимо тангутских трудов Н. А. Невский готовил крупное исследование по фонетике и грамматике рюкюских диалектов (его наброски вместе со словарем рюкюских говоров Мияко хранятся в архиве Института востоковедения АН СССР) и большую работу по японской исторической фонетике, продолжавшую исследования Е. Д. Поливанова. Арест оборвал эти труды на довольно ранней стадии. Роковую роль в судьбе Н. А. Невского сыграли длительное пребывание в Японии (1915—1929) и женитьба на японке. Он был объявлен «японским резидентом» в Ленинграде, арестован вместе с женой и погиб. Расстрелян 24 ноября 1937 г. вместе с А. И. Востриковым, М. И. Тубянским и Б. А. Васильевым [21].

Смерть ждала и других арестованных японистов: преподавателей японского языка во Владивостоке, а затем в Москве, авторов учебников [22] Петра Семеновича Ануфриева и Трофима Степановича Юркевича (1891—?); руководителя коллектива, выпустившего большой учебник японского языка [23], Михаила Ивановича Покладака (Асика); составителей первого в СССР отраслевого японского словаря [24] Дмитрия Петровича Жукова (1904—1937) и Бориса Израилевича Язгура (Манзгура) (1903—1941); составителя первого послереволюционного иероглифического словаря [25] Андрея Алексеевича Лейферта; одного из авторов известного в 30-е годы учебника [26] Г. С. Горбштейн. Даты жизни и точные обстоятельства гибели большинства нам неизвестны. Соавтор Горбштейн по учебнику, Петр Андреевич Гушо был также арестован, по отбытии пятилетнего срока отправлен на фронт в штрафной батальон и погиб.

Не знаем мы точные обстоятельства гибели и Николая Петровича Мацокина, одного из самых квалифицированных лингвистов-японистов 20-х годов. С дореволюционного времени он преподавал язык в Восточном институте и Дальневосточном университете во Владивостоке, позднее работал в Москве. Как лингвист он известен прежде всего книгой, представляющей собой первую попытку в нашем языкознании подойти к японской грамматике с позиций теоретической лингвистики [27]. Весьма неоднозначно решаемая проблема морфемного членения в японском глаголе была рассмотрена Н. П. Мацокиным всесторонне, с активным использованием идей Ф. де Соссюра, Н. Н. Дурново, Е. Д. Поливанова.

Не щадили и ученых старшего поколения. 1 октября был арестован и 20 октября приговорен к расстрелу Дмитрий Михайлович Позднеев (1865—1937), один из основателей русского японоведения, директор Восточного института во Владивостоке, организатор обучения японскому языку русских детей в православной миссии в Токио, основатель Практической восточной академии. Его основная деятельность и главные тру-

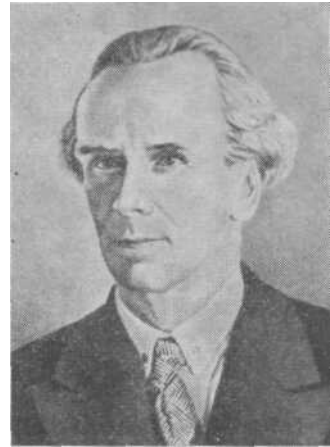
ды относятся к дореволюционному времени, ему принадлежат, в частности, литографированный курс японской грамматики и японско-русский иероглифический словарь, в ряде отношений не имеющий себе равных до сих пор [28]. В советское время Д. М. Позднеев продолжал преподавательскую деятельность в Академии им. Фрунзе и других учебных заведениях.

За связь с Невским попал в тюрьму в августе 1938 г. глава советской школы японоведов, в те годы заведующий кафедрой японского языка в ЛГУ, член-корреспондент АН СССР Николай Иосифович Конрад (1891—1970). Незадолго перед этим он выпустил фундаментальную грамматику японского языка [29]. Ему повезло больше, чем другим: после нескольких месяцев лагеря около Канска он был переведен в закрытое учреждение для работы с японским языком, а в октябре 1941 г. освобожден. Судьба подарила ему еще три десятилетия научной деятельности. Сравнительно быстро освободили и других специалистов по японскому языку: Е. М. Колпакчи, А. Е. Глускину, К. А. Попова, М. С. Цын.

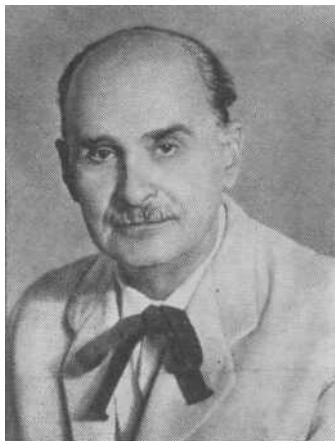
Изучение японского, китайского, корейского языков подвергалось разгрому и на периферии. Почти четыре десятилетия одним из центров подготовки востоковедческих кадров был Владивосток, где с 1899 г. работал Восточный институт, преобразованный после революции в восточный факультет Дальневосточного университета. Уже с начала 30-х годов научная деятельность здесь пошла на спад, часть специалистов была вынуждена покинуть город, другие пока просто прорабатывались за нежелание следовать идеям Марра. В 1937 г. произошел первый разгром факультета, арестовали ведущих преподавателей, в том числе Николая Петровича Овидиева (1891—1937?), высококвалифицированного япониста, автора первой советской работы по японской социолингвистике [30]. Новые кадры преподавателей формировались из военных. Но через два года, в 1939 г., Дальневосточный университет был ликвидирован вообще, а его богатая библиотека уничтожена.

Помимо упомянутых выше, не стало Китаиста Алексея Алексеевича Иванова (Ивина) (1885—1942?), публиковавшего работы не только по культуре и этнографии данного региона, но и по языку [31]. Погиб и его однофамилец, лингвист старой школы Алексей Иванович Иванов (1878—1937), еще до революции выпустивший описание китайского разговорного языка, а позднее, в соавторстве с Е. Д. Поливановым — известную грамматику [32]; он заведовал в Петербургском университете кафедрой японской филологии.

Сильно пострадало от репрессий языкознание народов Севера. О судьбе Н. К. Каргера уже говорилось выше. В конце 1937 г. за решеткой оказалась группа сотрудников Института народов Севера вместе с директором Яном Петровичем Алькором (Кошкиным), выдающимся организатором североведения, руководителем комитета алфавита народов Севера.

Н. А. Невский
(1892-1937)

Н. И. Конрад
(1891-1970)

Под его руководством решалась задача создания письменностей и литературных языков для 14 северных народов, выпущено два тома коллективного описания этих языков, под его же редакцией вышло первое русское издание лингвистического труда Ф. Энгельса «Франкский диалект» [1]. Не исключено, что роковую роль в судьбе этого человека сыграла его принципиальность — он не побоялся выступить против марризма и в 1933 г., и в 1935 г. в Ленинградском университете. Точные обстоятельства его дальнейшей судьбы не выяснены, но рассказывают, что он работал на свинцовых рудниках в Тетюхе (ныне Дальнегорск) на Дальнем Востоке и погиб в годы войны при аварии в шахте.

Трем другим репрессированным североведам не суждено было погибнуть. Известный ученый Ерухим (Юрий) Абрамович Крейнович занимался исследованием нивхского языка. Свою научную деятельность он не прекращал даже в лагере на Колыме, где благодаря помощи академика И. И. Мещанинова смог изучить юкагирский язык. Вернувшись через десять лет в Ленинград, Е. А. Крейнович открыто заявил о своей невинности. Вскоре он был вторично арестован и отправлен в ссылку в район Енисейска, где изучил кетский язык. Материалы, собранные им в тяжелые годы, были впоследствии опубликованы [33]. Возвратился после многих лет лагерей и ссылки другой северовед — Александр Семенович Форштейн. Известная специалистка по тунгусо-маньчжурским языкам Вера Ивановна Цинциус (1903—1981), изучавшая в 30-е годы эвенский язык, также прошла через Голгофу Гулага; в 1940 г. ей посчастливилось оказаться на свободе.

Трагична и до конца не ясна судьба талантливого кавказоведа Анатолия Несторовича Генко (1896—1941?). Он опубликовал ряд работ по абхазскому, убыхскому, лезгинскому и другим языкам. Ученик Н. Я. Марра, он затем решительно отказался от марризма. Его посадили в апреле 1938 г., а в начале 1940 г. он уже вернулся к работе. В октябре 1941 г. А. Н. Генко был вторично арестован и 26 декабря 1941 г. умер в тюрьме от голода.

Погибали не только принципиальные, самостоятельные ученые. Волна репрессий уносила и далеких от позитивной науки сподвижников Марра, например, Валериана Борисовича Аптекаря (1899—1937), Сергея Николаевича Быковского. Их печатная продукция исчерпывается комментариями к трудам Марра и его апологетическими биографиями; в историю науки они вошли как организаторы травли Е. Д. Поливанова. Расстреляли и более скромного, но не менее верного помощника основоположника «нового учения о языке» Левона Геворковича (Георгиевича) Башинджаяна (1893—1938?), которого Марр в свое время назначил ученым секретарем Института языка и мышления АН СССР.

Из арестованных в те годы лингвистов вернулись в 50-е годы немногие. Помимо упомянутых выше Е. А. Крейновича и А. С. Форштейна,

выжил китаист Александр Григорьевич Шпринцин (1907—1974), попавший в застенки в сентябре 1938 г. Еще студентом он собрал уникальные материалы по русско-китайскому пиджину, в 30-е годы активно участвовал в языковом строительстве, разрабатывал учебники для советских китайцев, создавал латинизированный китайский и дунганский алфавиты; одним из первых у нас разрабатывал проблемы китайской социолингвистики. После возвращения из лагеря А. Г. Шпринцин опубликовал несколько статей, но активно войти в науку не смог. Остался жив и автор опубликованного под редакцией Ю. К. Шуцкого первого в советское время пособия по иероглифике [34] М. Ф. Хван, несколько раз подвергавшийся репрессиям.

Пострадали практически все лингвистические центры Ленинграда и Москвы, хотя и в разной степени. Особый урон нанесли репрессии Институту востоковедения АН СССР в Ленинграде, Ленинградскому университету, где только что было воссоздано Восточное отделение, и учебному Московскому институту востоковедения. Повезло Ленинградскому Институту языка и мышления имени Н. Я. Марра и московскому Институту национальностей СССР, вскоре преобразованному в Московское отделение Института языка и мышления — большинство ведущих специалистов этих коллективов уцелело. Безусловно, более спокойной была ситуация в учреждениях, связанных, хотя бы номинально, с именем Марра, хотя и оно не давало никаких гарантий безопасности.

После осени 1938 г. репрессии против лингвистов перестали быть массовыми. Даже травля, которую вели марристы против «менделистов-вейсманистов-морганистов в языкознании» (1946—1949), а также борьба с ними самими после выступлений Сталина в 1950—1952 гг. не сопровождалась арестами, хотя уж тогда-то «посадок» ждали многие. Тем не менее в разные годы пострадали еще несколько языковедов. Определенный «всплеск» арестов приходится на первые месяцы войны. Помимо А. Н. Генко в Ленинграде лишили свободы, по меньшей мере, еще двух специалистов. Умер в лагере крупный знаток Монголии и монгольского языка Алексей Васильевич Бурдуков (1883—1941). Он преподавал монгольский язык в Ленинградском институте живых восточных языков и в университете, известен как автор нескольких словарей [35]. Тогда же сослали за немецкое происхождение Евгения Робертовича Шнейдера — первого исследователя удэгейского языка, создателя удэгейской письменности; дальнейшая его судьба неизвестна. Уже с 1947 г. провел несколько лет в заключении египтолог, впоследствии академик Михаил Александрович Коростовцев (1900—1980), защитивший к тому времени фундаментальную докторскую диссертацию о письме и языке Древнего Египта.

Одной из последних жертв репрессий оказалась ведущая исследовательница эвенкийского и других тунгусо-маньчжурских языков Глафира Макарьевна Василевич (1895—1971). Она участвовала во многих экспедициях по Сибири, издала 62 учебника для эвенков, шесть словарей, несколько грамматик, подготовила немало квалифицированных специалистов. В 1951 г. ее посадили. Рассказывают, что причиной этому послужило ее резкое письмо в правительство о бедственном положении эвенков в юго-восточных районах Якутии. После смерти Сталина Г. М. Василевич вернулась к работе.

К сожалению, большая часть трудов репрессированных лингвистов погибла после арестов, хотя уцелели частично опубликованный архив Н. А. Невского и неизданные рукописи Е. Д. Поливанова. Также приходится сетовать и на то, что судьба некоторых исследований вообще неизвестна. В печальном перечне жертв, брошенных на алтарь идеологии, много ученых традиционного типа, комплексно изучавших культуру стран и регионов. Языкознание для них представляло собой не единственную, порой — и не главную, область исследований. Но даже судя по оценке их лингвистических работ, можно с горечью констатировать: утраты тех лет невосполнимы. И лучшим памятником безвинно пострадавшим, замученным, казненным ученым станет популяризация их наследия, станут поиски правды о происшедшем.

Автор благодарит Ф. Д. Ашнина, Я. В. Василькова, И. С. Вдовина, А. М. Гришину, Е. П. Лебедеву за предоставленные сведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Энгельс Ф.* Франкский диалект. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 518-548.
2. *Мерварт А. М.* Грамматика тамильского разговорного языка. Л., 1929.
3. *Попов-Татива Н., Поливанов Е.* Пособие по китайской транскрипции. М. 1928.
4. *Анциферов Н. П.* Из воспоминаний. // Звезда. 1989. № 4. С. 152, 165.
5. *Каргер Н. К.* Кетский язык. // Языки и письменность народов Севера. Ч. III. М.-Л., 1934.
6. *Чобан-Заде В. Б.* Введение в тюрко-татарское языкознание (на азербайджанском языке). Баку, 1924. *Он же.* Крымско-татарская грамматика (на крымско-татарском языке). Симферополь, 1925.
7. *Плоских В. М.* Одной судьбы печать. // Советская Киргизия. 1988. 24 мая.
8. *Ларцев В. Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988. С. 189.
9. *Поливанов Е. Д.* За марксистское языкознание. М., 1931.
10. *Жубанов Х. К.* Исследования по казахскому языку. М., 1936.
11. *Яковлев Н. Ф.* Математическая формула построения алфавита // Культура и письменность Востока. Вып. 1. Баку, 1928.
12. *Васильев Б. А., Шуцкий Ю. К.* Строй китайского языка. Л., 1936.
13. *Шуцкий Ю. К.* Строй аннамского языка. Л., 1936.
14. *Казакевич В. А.* Современная монгольская топонимика. Л., 1934.
15. *Ашнин Ф. Д.* Александр Николаевич Самойлович (1880-1938). // Народы Азии и Африки, 1963, № 2. С. 247-264. *Самойлович А. Н.* Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пг. 1916. *Он же.* Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка, Л., 1925. *Он же.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг. 1922. *Он же.* К вопросу о классификации турецких языков // Бюллетень оргкомиссии по созыву I Всесоюзного тюркологического съезда. Баку, 1926.
16. *Самойлович А. Н.* Туркология и новое учение о языке. // Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. М.-Л., 1935. С. 117.
17. *Невский Н. А.* Фольклор островов Мияко. М., 1978.
18. *Невский Н. А.* Материалы по говорам языка цоу. М.-Л., 1935.
19. *Невский Н. А.* Айнский фольклор. М., 1972.
20. *Невский Н. А.* Тангутская филология. М., 1960.
21. *Громковская Л. Л., Кычанов Е. И.* Николай Александрович Невский. М., 1978.
22. *Юркевич Т. С.* Пособие к изучению разговорного японского языка для начинающих. Владивосток, 1923; *Он же.* Учебник японского языка, курс 1-й. М., 1933; *Ануфриев П. С.* Современное состояние изучения русского языка в Японии. Владивосток, 1928.
23. Курс японского языка в трех циклах. Под ред. М. Асика. М., 1935.

24. Жуков Д. П., Манзгур Б. И. Военный японско-русский словарь. М., 1935.
25. Лейферт А. А. Словарь наиболее употребительных в современном японском языке иероглифов. М., 1935.
26. Гуцо П., Горбштейн Г. Учебник японского языка, ч. I-II. М., 1934-1937.
27. Мацокин Н. П. Очерк морфологии настоящего времени японского языка. Владивосток, 1929.
28. Позднеев Д. Грамматика разговорного японского языка. Конспект лекции, читанных в практической восточной академии императорского общества востоковедения в 1910—1911 уч. г. СПб. *Он же*. Японо-русский иероглифический словарь (по ключевой системе). Токио, 1908.
29. Конрад Н. И. Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937.
30. Овидиев Н. П. Современное состояние литературного японского языка. // Труды Дальневосточного государственного университета. Владивосток, 1928.
31. Ивин А. А. Китайский язык и китайская литература. // Новый Восток. Вып. 16-17. М., 1927.
32. Иванов А. И. Пекинское наречие. СПб., 1907. Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка. М., 1930.
33. Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.—Л., 1958. *Он же*. Глагол кетского языка. Л., 1968.
34. Хван М. Ф. Идеография. Л., 1936.
35. Бурдуков А. В. Русско-монгольский словарь разговорного языка. Л., 1935. *Он же*. Русско-монгольский словарь. М., 1937. *Он же*. Монгольско-русский словарь. М., 1940.

